

Ганс Христиан Андерсен

Епископ Бьёрглумский и его родичи

Вот мы и на севере Ютландии, севернее Дикого болота. Тут уже слышится вой моря. Море отсюда близехонько, но его загораживает от нас песчаный холм. Холм этот давно у нас перед глазами, но мы все еще не доехали до него, медленно подвигаясь вперед по глубокому песку. На холме возвышается большое старинное здание; это бывший Берглумский монастырь; в самом большом флигеле его до сих пор — церковь. Мы доберемся до вершины холма лишь поздно вечером, но погода стоит ясная, ночи светлые, так что можно ясно видеть на много-много миль кругом; с холма открывается вид на поля и болота вплоть до Ольборгского фиорда, на степи и луга вплоть до темно-синего моря.

Ну вот мы и на холме, с грохотом катимся между гумном и овином и заворачиваем в ворота старого замка; вдоль стен его — ряды лип; тут они защищены от ветра и непогоды и разрослись так, что почти закрыли все окна.

Мы поднимаемся по каменной витой лестнице, проходим по длинным коридорам под бревенчатыми потолками. Как странно гудит здесь ветер: снаружи или внутри — не разберешь. Жутко... А тут еще эти рассказы... Ну, да мало ли что рассказывают, мало ли что видят, когда боятся сами или хотят напугать других! Рассказывают, что давно умершие монахи скользят по коридорам в церковь, где идет обедня; звуки молитв прорываются сквозь вой ветра. Наслушаешься таких рассказов, и душою овладевает странное настроение: начинаешь думать о старине и так задумаешься, что невольно перенесешься в те времена.

О берег разбился корабль; слуги епископа уже на берегу; они не щадят тех, кого пощадило море; море смывает с берега красную кровь, струящуюся из проломленных черепов. Выброшенный морем груз становится добычей епископа, а его тут немало. Море выкатывает на берег бочки и бочонки с дорогим вином; все идет в погреба епископа, и без того битком набитые бочками с медом и пивом. Кухня его полным-полна битой дичью, колбасами и окороками; в прудах плавают жирные лещи и караси. Богат и могуществен епископ Берглумский! Много у него земли и поместий, но ему все мало! Все должно преклоняться перед Олуфом Глобом!

В Тю умер его богатый родич. «Родич родичу хуже врага» — справедливость этой пословицы пришлось испытать на себе вдове умершего. Муж ее владел всеми землями в крае, кроме монастырских. Единственный сын находился в чужих краях — он был отослан туда еще мальчиком познакомиться с чужими нравами и обычаями, к чему так лежала его душа, но вот уже несколько лет о нем не было ни слуха ни духа. Может быть, он давно лежит в могиле и никогда не вернется больше на родину, хозяйничать там, где хозяйничает его мать.

«Что смыслит в хозяйстве баба?» — сказал епископ и послал ей вызов на народный суд — тинг. Но что из того толку? Вдова никогда не преступала законов, и сила права на ее стороне.

Епископ Олуф Берглумский, что замышляешь ты? Что пинешь на гладком пергаменте? Что запечатываешь восковой печатью и перевязываешь шнурком? Что за грамоту отсылаешь с рыцарем и оруженосцем далеко-далеко, в папскую столицу?

Начался листопад, завывли бури, пошли кораблекрушения, а вот и зима на дворе.

Два раза приходила она; в конце второй вернулись жданные посланцы. Они вернулись из Рима с буллой от папы, предававшей проклятию вдову, оскорбительницу благочестивого епископа. «Пусть ляжет проклятие на нее и на все, ей принадлежащее! Она отлучается от церкви и от людей! Да не протянет ей никто руки помощи, родные и друзья да бегут от нее, как от чумы и проказы!»

— Не гнется дерево, так его ломают! — сказал епископ Берглумский.

Все отвернулись от вдовы, но она не отвернулась от Бога. Он стал ее единственным покровителем и защитником.

Только одна служанка, старая дева, осталась ей верна, и госпожа сама ходила вместе с нею за

плугом. И хлеб уродился, даром что земля была проклята папой и епископом.

«Ах, ты исчадие ада! Постой! Будет же по-моему! — говорит епископ. — Рукою папы я достану тебя и привлеку на суд!»

Тогда вдова впрягает в телегу двух последних волов, садится на нее вместе со служанкой и едет по степи прочь из датской земли, в чужую страну, где всё и все ей чуждо: и люди, и язык, и нравы, и обычаи. Далеко-далеко заехала она, туда, где тянутся высокие зеленые горные склоны, растет виноград. Купцы, едущие с товарами, боязливо озираются со своих нагруженных возов, опасаясь нападения разбойничьих рыцарских шаек. Две же бедные женщины на жалкой телеге, запряженной двумя черными волами, едут по опасной дороге и по густым лесам совершенно спокойно. Они теперь во Франции. Тут встречается им богато одетый рыцарь в сопровождении двенадцати оруженосцев. Он останавливается и смотрит на странную повозку, затем спрашивает женщин, откуда, куда и зачем они едут. Младшая из них называет датский город Тю, рассказывает про свое горе и обиду. Но тут и конец ее невзгодам! Так было угодно Богу! Чужестранный рыцарь — сын ее! Он протягивает ей руки, обнимает ее, и мать плачет от радости, а она не плакала вот уже много лет — только кусала себе губы до крови.

Начался листопад, завывали бури, пошли кораблекрушения; море катит в погреба епископа бочки с вином. На вертелах в кухне жарится дичь. Уютно, тепло в замке, а на дворе мороз так и кусает. И вот разносится весть: Иенс Глоб из Тю вернулся домой вместе с матерью; Иенс Глоб вызывает епископа на суд Божий и людской!

«Много он возьмет этим! — говорит епископ. — Оставь-ка лучше попечение, рыцарь Иенс Глоб!»

Опять начался листопад, снова завывали бури, пошли кораблекрушения; вот и зима на дворе. В воздухе порхают белые пчелы и жалят в лицо, пока не растают.

«Холодно сегодня!» — говорят люди, побывав на дворе. Иенс Глоб стоит у огня, думает думу и прожигает на платье большую дыру.

«Ну, епископ Берглумский! Я таки осилю тебя! Закон не может достать тебя под плащом папы, но Иенс Глоб достанет!»

И он пишет своему зятю Олуфу Газе Саллингскому письмо, назначает ему в сочельник свидание в Видбергской церкви во время заутрени. Епископ сам будет служить ее, для чего и отправляется из Берглума в Тю. Иенс Глоб знает это.

Луга и болота покрыты льдом и снегом; лед и снег окрепли настолько, что могут сдерживать лошадей со всадниками, целый поезд; то едет епископ с канониками и слугами. Они едут кратчайшей дорогой между хрупким тростником; печально шелестит в нем ветер.

Труби в свой медный рог, трубач в лисьей шубе! Звуки гулко разнесутся в морозном, ясном воздухе. Поезд продвигается вперед по степям и болотам, где летом расстилаются луга Фаты-Морганы; направляется он к югу, к Видбергской церкви.

А ветер трубит в свой рог сильнее трубача; вот завывала буря, разыгралась непогода. Путь епископа лежит к Божьему дому. Дом Божий стоит крепко, как ни свирепствует вокруг него над полями, над болотами, над фиордом и морем страшная буря. Епископ Берглумский доехал до церкви вовремя, а вот Олуфу Газе вряд ли это удастся, хоть он и гонит лошадь изо всех сил. Он спешит на помощь Иенсу Глобу, вызвавшему епископа на суд Всевышнего. И вот Олуф Газе подъезжает к фиорду...

Скоро дом Божий станет судилищем, Престол — судейским столом; в тяжелых медных подсвечниках затеплятся свечи; буря прочтет жалобу и приговор. Отголоски их разнесутся по воздуху над болотами, степью и бурным морем. Но через фиорд в такую погоду нет переправы!

Олуф Газе останавливается у Оттезунда, отпускает своих людей, дарит им лошадей и вооружение, дает отпускные листы и велит свезти поклон своей супруге. Один хочет он довериться бушующим волнам, а слуги пусть засвидетельствуют, что не его вина, если Иенс Глоб останется в Видбергской

церкви без подкрепления. Но верные слуги не хотят отстать от своего господина и бросаются вслед за ним в глубокие волны. Десятеро из них тонут, но сам Олуф Газе и еще двое отроков wypлывают на противоположный берег. Им остается еще четыре мили пути.

За полночь; канун Рождества. Ветер улегся; церковь освещена. Яркий свет льется сквозь окна на луга и степь. Заутреня давно отошла; в Божьем доме тишина; слышно, как каплет воск со свечей на каменный пол. Является Олуф Газе.

В притворе встречает его Иенс Глоб:

— Здравствуй! Я помирился с епископом!

— Вот как! — отвечает Олуф. — Так ни ты, ни епископ не выйдете живыми из церкви!

И меч Олуфа Газе сверкает из ножен, вонзается и расщепляет дверь, которую успел захлопнуть между собой и зятем Иенс Глоб.

— Повремени, дорогой зять! Погляди сперва, каково примирение! Я убил епископа со всеми его людьми! Не придется им больше распространяться об этой истории, да и я не стану больше говорить о той обиде, что понесла моя мать!

Фитили восковых свечей горят красными языками; еще краснее свет разливается по полу. Тут плавают в крови епископ с раздробленным черепом; убиты и все его спутники. Тихо, безмолвно в Видбергской церкви в ночь под Рождество.

На третий день праздника в Берглумском монастыре зазвонили в колокола. Убитый епископ и его слуги выставлены напоказ в церкви; тела покоятся под балдахином, кругом стоят обвернутые крепом подсвечники. В парчовой ризе, с посохом в безжизненной руке, лежит епископ, некогда могущественный повелитель края. Курится ладан, монахи поют. В пении их звучит жалоба, злоба и осуждение. Ветер подтягивает им и разносит эти звуки по всей стране. Ветер утихает, успокаивается на время, но не навеки. Время от времени он просыпается и опять принимается за свои песни. Он распекает их и в наше время, поет здесь, на севере Ютландии, о епископе Берглумском и его родиче. Песни его слышатся темной ночью; испуганно внемлет им крестьянин, проезжающий по тяжелой песчаной дороге мимо Берглумского монастыря; внемлет им и бессонный обитатель толстостенных покоев Берглума. Вот почему так странно и шелестит по длинным, гулким коридорам, ведущим к церкви. Вход в нее давно заложен, закрыт, но не для суеверных очей. Им мерещатся открытые двери: ярко горят свечи в паникадилах, курится ладан, церковь блещет прежним великолепием, монахи отпевают умершего епископа, что лежит в парчовой ризе, с посохом в бессильной руке. На бледном, гордом челе зияет кровавая рана; она горит, как огонь; таким огнем выжигаются дурные страсти детей света.

Прочь! Скройтесь в землю, покройте мраком забвения ужасные воспоминания старины!

Прислушайся к порывам ветра; они заглушают шум катящихся волн морских. Разыгралась буря; многим людям будет она стоить жизни! Нрав моря не изменился с годами. В эту ночь оно является всепоглощающей пастью, утром же, может быть, опять станет ясным оком, в котором можно видеть себя, как в зеркале. Так же бывало и в старину, которую мы только что схоронили. Спи же спокойно, если можешь!

Вот и утро.

Новые времена светят в нашу комнату вместе с лучами солнца. Ветер все еще бушует. Приносят весть о кораблекрушении — то же бывало и в старину.

Ночью, у Лекке, маленькой рыбацкой слободки, застроенной домиками с красными черепичными крышами, — ее видно отсюда из окон — разбился корабль. Он сел на мель далеко от берега, но спасительная ракета перебросила мост между тонущим судном и твердой землей. Все спаслись, вышли на берег и нашли себе приют и ночлег у рыбаков. Сегодня же их перевели в Берглумский монастырь. В уютных покоях их встречают радушный прием и привет на родном языке. С клавиш

льются звуки родных мелодий, и не успеют еще они замереть, как зазвучит иная струна, безмолвная и в то же время полная звуков: вестник мысли сообщит семьям потерпевших крушение в чужой земле о их спасении. Родные успокоены; с души спасенных сваливается бремя, и в замке Берглум поднимается пляс и веселье. Протанцуем же старинный вальс, споем песни о Дании и о «храбром ополченце» нового времени!

Благословенно будь ты, новое время! Вступай в страну, как новое лето! Свети своими лучами в сердца людей! Быстро промелькнут на твоём светлом фоне воспоминания о старых, суровых, жестоких временах!